

Вера разлепила зудящие веки и увидела черноту с крохотным треугольником света внизу. Маска для сна неплотно прилегалась к переносице. Вера давно привыкла к тому, что это маска, а не внезапная слепота или крошечная тьма, заполнившая всю комнату. А поначалу пугалась спросонья, вскрикивала, начинала шарить руками вокруг себя, по лицу и даже потом, нащупав мягкую ткань и сдернув ее с себя, еще лежала какое-то время с колотящимся сердцем, бессмысленно уставившись на маску. С наружной стороны на ней были нарисованы круглые совиные глаза в обрамлении голубоватых перьев. Вера купила ее именно из-за этого рисунка — смешного. Тогда вообще все казалось легким и смешным. Сова смотрела на нее с подозрением и тоже бессмысленно — принт очень правдоподобно передавал настороженную пустоту в птичьих глазах.

Атласная ткань ласкала воспаленные веки — кстати, почему они так ноют и чешутся, плакала перед сном, что ли? — и защищала. Как в детстве, когда накроешься одеялом с головой, и ни смутная тень у шкафа, ни зубастый монстр из фильма, который родители не разрешили смотреть — ты впечатлительная, не уснешь потом — и отправили Веру в спальню, но она все равно, заинтригованная приглушенными воплями из телевизора, прокралась обратно и подглядела в дверную щель, — никто тебя не достанет, не заметит под одеялом. Раз ты не видишь, то и тебя не видят. Так же, наверное, рассуждал кот Бусик, когда, разбив очередной цветочный горшок, прятался за шкафом — то есть пряталась там только передняя часть, весь остальной упитанный Бусик не влезал, но сидел спокойно, явно уверенный в надежности своего укрытия.

Скрипнула половица у изножья кровати. Потом еще какой-то шорох и движение воздуха. Потом опять еле

слышно скрипнуло. Кто-то ходил по комнате — вот что разбудило Веру. Она с трудом оторвала голову от подушки, хотела снять маску, но руки не слушались. Их будто вовсе не было, и Вера после секундной паники поняла — отлежала. Спала крепко, в одной позе, еще и, наверное, навалилась на них всем телом. Судя по головной боли, которая перекатывалась тяжелым шаром от виска к виску, вчера она изрядно выпила, вот и заснула как убитая. «Убитая» — от этого слова кольнуло под ребрами. Мертвым сном — еще хуже. Заснула как младенец. «Привет, мои дорогие любители прелестей запустения, вчера я переборщила с винишком и заснула как младенец...» Вера поморщилась, шар боли покатился в другую сторону, едва уловимые шаги продолжили мерить комнату.

Бусик. Ну конечно, это Бусик. Только тот, у кого никогда не было кота, особенно хорошо откормленного кота, может наивно полагать, что эти любимцы человечества передвигаются бесшумно. Или что они грациозны. Бусик, застигнутый на столе, всегда ссыпался оттуда со всей посудой, сшибал цветочные горшки, пытаясь протиснуться вдоль них по подоконнику к вождеденному солнечному пятну. И топал как слон, а еще у него когти не втягивались до конца, и он цокал по половицам. За спиной у Веры еще раз скрипнуло и цокнуло. Бусик любил тихонько, насколько мог, бродить по утрам вокруг кровати и ждать, когда Вера похлопает ладонью возле себя, разрешая запрыгнуть. Правая рука уже понемногу оживала, в ней забегали еле ощутимые щекотные иголочки, и Вера стала ждать, когда сможет ею пошевелить и хлопнуть по матрасу. Если только не успеет заснуть обратно. Спать хотелось ужасно, глаза под маской закатывались, и ей казалось, что она бродит по бескрайней тундре, путаясь ногами в карликовых березках, потом — что

какой-то человек говорит ей неприятное, непоправимое и хочется запустить в него чем-нибудь, потом надо было взять со стола чашку и попить воды, и Вера видела эту чашку, протягивала руку и хватала пустоту...

Она наконец разжала до боли в челюстях стиснутые зубы, и они мелко и громко застучали. Холодно, поняла Вера. В комнате было невообразимо холодно.

Бусика, тогда еще длинноногого котенка-подростка, белого, с парой серых, будто пыльных пятен — как старательно они пытались его отмыть, искренне полагая, что это просто грязь, — Вера с Артемом, как и положено, нашли в заброшке. Он сам выбежал к ним, пока Вера тщательно документировала уцелевшие лохмотья этикетки на перевернутой тумбочке: 1968 год, ГОСТ, ОТК... Котенка подкармливали какие-то добрые люди — в одной из комнат в углу стояли прозрачные контейнеры с водой и обедками. Тощий грязный зверек сразу прилип к Вере, мурлыкал, пытался вскарабкаться на руки по джинсам — как было не забрать. К тому же это казалось Вере символически важным моментом в их репетиции совместной жизни — воспитание общего животного, общая ответственность, существо, пусть пока и четвероногое, которое свяжет их крепче. По дороге домой — вот, она уже считает квартиру Артема домом, — пытаюсь удержать в руках одновременно вертлявого зверька и сумку с аппаратурой, Вера уже придумала котенку имя: Заброшка. Кошка Заброшка. Узкая изящная мордочка, длинные лапки, общая компактность — Вера была уверена, что это девочка. Но когда они отмывали брыкающегося котенка в ванне — вода с него текла почти черная, с какими-то веточками и репьями, — Артем, намыливая мокрое пузико, хмыкнул:

— Жеребец твоя Заброшка.

— Тогда Котобус, — подумав пару секунд, ответила Вера.

Котенок, воспользовавшись кратковременным замешательством, попытался выпрыгнуть из ванны, но был пойман в полотенце.

— Котобус?..

— Это из мультика одного. Там был огромный кот-автобус, Котобус. Хороший мультик, японский.

— Миядзаки, — кивнул Артем и, заметив на лице Веры легкое удивление, рассмеялся: — Ну да, у нас же тут только «Ну, погоди» смотрят. По единственному каналу, перед программой «Время».

***

В Воркуту Вера отправилась из Москвы на последние деньги. Она просто ткнула, зажмурившись, пальцем в карту и попала в необитаемую зелень где-то на севере, а ближайшим населенным пунктом оказалась именно Воркута. Вера даже обрадовалась — город, с одной стороны, не совсем незнакомый, с другой — она никогда в нем не бывала. Вполне подходящее место для временного укрытия, а может, чем черт не шутит — для начала новой жизни. Из Москвы надо было бежать. Вера с детства обладала благословенной, хоть и не вполне, кажется, здоровой способностью буквально забывать плохое. Что-то потом всплывало и медленно восстанавливалось в памяти, а что-то стиралось насовсем. Но после истории с *этим* воспоминаний осталось достаточно, и они жгли Веру изнутри. Особенно тот последний разговор на кухне, когда *этот* методично поедал приготовленный Верой суп-пюре с запеченными сладкими перцами и говорил, говорил, говорил... И все в Москве теперь напо-

минало о нем: знакомые улицы, душные вагоны метро, нагретый жарким летним солнцем асфальт — все стало лавой, и негде было спрятаться, чтобы не жгло.

В небольшом закрытом «Чате ГПТ» Верин выбор одобрили.

«Воркута, столица заброшек. И вокруг целые поселки нежилые. Материала тонна», — написал Конрад Ворстий¹.

Вера тайно гордилась тем, что он отвечает на ее сообщения. У всех новичков Конрад обязательно спрашивал, в честь кого он взял себе никнейм. Ответить надо было моментально, чтобы экзаменуемый не успел загуглить. Чаще всего пользователи предполагали, что это римский полководец или герой какой-нибудь книги. И переставали существовать для Конрада Ворстия, он игнорировал любые их вопросы и обращения. Когда настала очередь Веры, она ответила первое, что пришло в голову, — «ученый» — и неожиданно вошла в круг избранных, прошедших «тест на общую эрудицию».

«Ждем фотоотчетов. Первый месяц ты из заброшек вообще вылезать не будешь, там и заночевать можно, и мангальчик раскочегарить», — предрекла Союзплодоовощь, с которой Конрад не разговаривал.

***

И поначалу Вера, ошалевшая от количества и разнообразия заброшенных домов Воркуты и окрестностей, действительно вылезала оттуда, только чтобы поесть где-нибудь в кафе, — хотя местные подростки действительно любили жарить шашлыки прямо внутри, регу-

---

¹ Конрад Ворстий — ученый, теолог, в XVII в. возглавлял кафедру теологии в Лейденском университете (Нидерланды). — *Здесь и далее примеч. авт.*

лярно устраивая пожары, — или когда на город опускалась недолгая темнота. Она и с Артемом познакомилась в заброшке — двухэтажной, с сохранившимися кое-где обоями, межкомнатными дверями и остатками мебели.

Под кухонными окнами были шкафчики-холодильники — в таком Верина бабушка давным-давно хранила закрутки на зиму. Потом их торжественно доставали к какому-нибудь семейному застолью, и Вере разрешалось надкусить и, обливаясь соком, всосать первый сладковато-соленый маринованный помидор.

Она ползала перед шкафчиком на коленях, пытаясь поудачнее заснять оставшуюся на верхней полке банку — как раз с улыбающимся помидорным человечком на этикетке, — когда услышала шум неподалеку. Хруст стекла, короткое покашливание — в заброшенном доме явно был кто-то еще. Вера очень не любила сталкиваться в заброшках с другими людьми, потому что чаще всего это были люди неприятные, а то и опасные, пришедшие сюда вовсе не для того, чтобы ощутить покой жилища, освободившегося наконец от суетливых обитателей.

Осторожно, стараясь не наступать на обломки кухонного кафеля и пивные банки, она двинулась к двери. Прошла по коридору, мельком заглянула в темную каморку санузла — никого. Впереди маячил выход на заваленную досками лестницу, рядом с которой чернели уже запечатленные Верой ровно, как по трафарету выведенные буквы: «Спорим, ты прочитаешь эту надпись еще раз?» А вот и нет, подумала Вера и тут же с досадой осознала, что опять попалась и прочитала. Под ногой пискнул чумазый резиновый заяц. Вера на секунду замерла, перехватила камеру поудобнее, рванула по коридору к выходу...

И чуть не сбила с ног парня, который, опустившись на корточки, фотографировал грибы, выросшие на покрытой ворсистым ковриком мха ступеньке. Тот с трудом удержал в руках телефон, но даже не стал ругаться. Внимательно изучил Веру — чумазую, как тот заяц, запыхавшуюся, с камерой наперевес — и спросил:

— А видала, на чердаке какая красота?

Вера покосилась на кривую металлическую лестницу, свисающую с чердака. Часть креплений была вырвана из стены, и Вера, заходя в дом, заметила ее, но не отважилась туда забираться.

— Не бойся, она прочная еще. Я подержу.

Вера карабкалась по ржавым прутьям и представляла, как незнакомец сейчас дернет лестницу вниз, выворачивая из гнилого кирпича последние крепления, или как заберется следом за ней и там, где некуда уже будет деться...

Наверху оказалось неожиданно светло. Кровля провалилась, остались только стропила. И весь огромный чердак превратился в поляну, заросшую травой, иван-чаем, кое-где даже угнездились карликовые березки. Жужжали пчелы, косые солнечные линии подсвечивали высокие лиловые метелки цветов, а пахло на чердаке упоительно — медом, землисто-грибной сыростью и нагретым деревом.

— Красота... — выдохнула Вера.

— Ты блогерша, что ли? — спросил незнакомец, разглядывая Верины волосы, заплетенные в мелкие цветные косички, и чехол, в который она торопливо упаковывала аппаратуру. — Или блогерка? Как там у вас сейчас принято?

— У меня никак не принято, — буркнула Вера, откидывая косичку со лба.

— Сама-то откуда?

«Главное не говори аборигенам, что ты из москвы. это вроде красной тряпки», — напутствовал ее перед поездкой ГПТ, лентясь, как обычно, нажимать Shift.

«Не из, а с. Скажешь, что из Рязани — сразу поймут, что на самом деле из Москвы))))», — добавила Точка. Ее никнейм, собственно, и состоял из одной пульсирующей красной точки, которой новостные каналы обычно сопровождают срочные плохие известия.

«У нас же здесь деньги на деревьях растут. А мы и сами рвать ленимся, и не делимся», — резюмировал Конрад Ворстий.

«Чат ГПТ» назывался так потому, что ГПТ был в нем старожилом и админом. Только к нейросетям это название отношения не имело, ГПТ расшифровывалось как «главный по тарелочкам». Судя по тому, цитаты из каких фильмов помнил ГПТ, лет ему было немало. Он коллекционировал оставленную в заброшках посуду, разбирался в клеймах не хуже любого антиквара и год выпуска любого блюдечка или стакана определял моментально, на глаз. ГПТ иногда вскользь, хоть и с неприкрытым хвастовством упоминал, что, увидев некоторые экземпляры из его коллекции, музейщики и собиратели из высших кругов сгрызли бы себе локти до самых нервов. Но, судя по фото из его квартиры, которые Вера старалась проматывать побыстрее, коллекция скорее могла бы стать предметом внимания археологов и энергичных уборщиков из телепередач, посвященных наведению порядка в самых запущенных человеческих норах. Весь чат — в шутку, конечно, — предупреждал ГПТ, что рано или поздно эти вавилонские башни из фарфоровых чашек, тарелок и бутылок все-таки рухнут и погребут его под собой.

«Прекрасная смерть», — неизменно отвечал ГПТ.

— Не хочешь — не отвечай, — развел руками парень.

— Издалека, — загадочно ответила Вера и хихикнула — предательское «из» все-таки прозвучало. Потом решила, что строить из себя принцессу инкогнито и вдобавок посмеиваться не очень вежливо, и первой протянула руку: — Вера.

— Артем. — Он аккуратно, но крепко пожал Верину ладонь, потянулся, огляделся и спросил: — Ты голодная? Пойдем куда-нибудь, поедим?

— Давай, — легко согласилась Вера.

С Артемом вообще все было легко. Наверное, поэтому все закрутилось прямо-таки скоропалительно, началось с поедания оленьих ребрышек в кафе под сет настоек и закончилось воспитанием совместного кота Бусика. Вера никогда так быстро ни с кем не сходилась и тем более не съезжалась.

Она попыталась похлопать ладонью по кровати рядом с собой, но рука не слушалась. «Бусик», — хотела позвать Вера. Замерзшие губы, казавшиеся толстыми и чужими, только дрогнули. Полусон отступил еще немного, пока не подпуская Веру к грани яви. Но она наконец почувствовала, что продрогла до костей. В комнате было холодно, очень холодно.

За спиной скрипнула половица под очередным шагом. Холодно и что-то не так, шевельнулась неповоротливая мысль в голове. Что-то случилось.

— Бу-у... — еле слышно выдавила Вера, уронив на подушку ниточку слюны. И провалилась обратно в полный воспоминаний полусон. Там, по крайней мере, было тепло и спокойно, и тяжелое, будто заледеневшее сердце не так сильно ныло.

В кафе Вера вытаскивала из растомленного, нежного мяса тонкие оленьи косточки и безбожно врала. Что у нее десять, нет, пятнадцать тысяч подписчиков — немного по нынешним меркам, но и заброшки — контент специфический, узкая ниша. Что она побывала во всех заброшенных зданиях Подмосковья, и Ховринскую больницу отсняла за пару недель до сноса — хотя на самом деле только обошла вдоль забора, из-за которого лаяли собаки охранников. И ночевала однажды летом в вымершей деревне в Тверской области под вой ветра и волков за прогнившими стенами. И в Припять собиралась, и в Фукусиму даже, но сам понимаешь, сначала денег не хватало, а потом... Артем кивал и улыбался, а она сперва поглядывала на него искоса — верит или пора уже прикусить язык, — а потом увлеклась собственными фантазиями, раскраснелась.

Нет, не все это было враньем. Вера и вправду обожала заброшки и много где успела побывать — в московских промзонах, где старые заводские здания каждый год грозились снести, а они все стояли, поблескивая фасеточными панелями зеленоватых стеклоблоков. И в паре заброшенных пионерлагерей и загородных пансионатов. И даже в наполовину сторевшем подмосковном детском саду — старом, еще деревянном и успевшем, разумеется, породить городскую легенду о сумасшедшей воспитательнице, которая в тихий час повесила здесь семерых детей, а потом подожгла здание и повесилась сама. Все свои походы Вера тщательно документировала, а потом выкладывала фото и видео в Сеть.

«Какая хтонь», — писали редкие комментаторы.

«Жутко, почему не отремонтируют или не снесут на фиг. Там наркоманы шарятся и маньяки всякие».

«Строили на века для людей алегархам не нужно разворовали.....»